

УДК 811.512.153
DOI 10.17223/18137083/68/17

И. М. Чебочакова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан

**Особенности производных единиц,
образованных от основы прилагательного «хара» ‘черный’,
в хакасском языке**

Рассматриваются структурно-семантические особенности производных слов, образованных от основы прилагательного *хара* ‘черный’ в хакасском языке. Отнесенность слова *хара* ‘черный’ к колоративам обусловила появление аффиксальных производных со значением неполноты и интенсивности цветового признака, диминутивного прилагательного, сложных прилагательных, несущих цветовую характеристику, глагола со значением проявления цветового признака. Аналитические производные представлены прилагательными и существительными. Сложные прилагательные выражают интенсивность цветового признака и служат для обозначения смешанных оттенков. Сложные существительные с первым компонентом *хара* называют преимущественно конкретные объекты: живые и мифические существа, растения, объекты природы, разновидности продуктов, место (строение). Выявлена национально-культурная специфика производных, объясняющаяся особенностями традиционного мировоззрения хакасов.

Ключевые слова: словообразование, прилагательные, производные, словообразовательное гнездо.

Целью статьи является выявление структурно-семантических особенностей производных слов, образованных от основы колоратива *хара* ‘черный’, в хакасском языке. К анализу были привлечены слова, входящие в словообразовательное гнездо с вершиной *хара*, в том числе диахронно связываемые с ним. Данная тема в хакасском языкознании не подвергалась специальному изучению, названия основных цветов ранее рассматривались с точки зрения их сочетаемости с существительными и морфологических особенностей Т. Н. Тугужековой [2007; 2009; 2015].

Изучение проблем тюркского словообразования во многом опиралось на традиции отечественного языкознания, но все же следует отметить определенное отставание этого направления в тюркологии. В 1988 г. М. В. Зайнуллин и А. Н. Ти-

Чебочакова Ирина Максимовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; irina.chebochakova@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 3
© И. М. Чебочакова, 2019

хонов отмечали, что в специальных работах по тюркскому словообразованию не используются важнейшие словообразовательные понятия «производящее слово» («производящая основа»), «производное слово» («производная основа»), «словообразовательная пара», «словообразовательный тип», «словообразовательная цепочка», «словообразовательная парадигма», «словообразовательное гнездо» и многие другие. Они выделили такие направления для изучения словообразования в тюркских языках, как разработка проблем системного устройства словообразования, определение состава основных единиц, места каждой единицы в системе, исследование их связей и отношений [Зайнуллин, Тихонов, 1988, с. 180]. Обозначенные исследователями направления до сих пор остаются малоразработанными, особенно это касается сибирских тюркских языков. Следует сказать, что исследователи в последние годы ведут изыскания в сфере словообразования указанных языков. Например, работы А. В. Есиповой по теоретическим проблемам словообразования в тюркских языках на примере шорского языка [Есипова, 2011а; 2011б]. Аффиксальное словообразование алтайского языка нашло отражение в трудах А. В. Колесниковой [2004], в «Грамматике современного алтайского языка» [2017]. Большой вклад в изучение якутского словообразования внесли работы Н. К. Антонова [1952], Е. И. Убрятовой [1948; 2011]. Отглагольные имена существительные современного якутского языка описаны И. Б. Ивановой [2011]. Автор настоящей статьи опубликовала две монографии по проблемам именного словообразования хакасского языка [Тараканова, 2008; 2011]. Некоторые проблемы словообразования в тувинском языке нашли отражение в работах Н. Д. Сувандии [2011], М. В. Бавуу-Сюрюн [2007; 2015]. Таким образом, несмотря на определенное продвижение в деле изучения словообразовательных систем тюркских языков Сибири, семантический аспект словообразования этих языков нельзя считать полностью исследованным.

В тюркологии первым наиболее ясно высказал идею о необходимости учета всех составляющих элементов словообразовательного процесса и обоснования моделирования в словообразовании М. М. Хусаинов. Он отмечал, что связь производящей основы с аффиксом не следует представлять как формальный механический процесс их слияния, поскольку при такой трактовке не учитываются внутренние механизмы словообразования [Хусаинов, 1975, с. 13–14]. Он разработал понятие поликомпонентной словообразовательной модели, которая имеет следующий состав:

- а) семантика производных слов (она же выражает и семантику модели);
- б) семантика производящих слов, которые являются семантической основой (базой словопроизводства);
- в) семантика словообразовательного аффикса, вводящего производимое слово в системное отношение с производными словами соответствующих, находящихся во взаимодействии, разрядов;
- г) смысловая словопроизводная связь между производящей основой и производными элементами (что особенно важно учитывать в тех случаях, когда производящая основа имеет несколько значений);
- д) звуковой состав производящей основы;
- е) звуковой состав словообразовательного форманта, то есть аффикса [Там же, с. 13].

Таким образом, М. М. Хусаинов разработал понятие поликомпонентной модели, в которую входят как формальные, так и семантические признаки. К сожалению, перспективные идеи этого исследователя не получили дальнейшего развития в тюркологии.

В трудах специалистов в области русской дериватологии разрабатывались вопросы, связанные со словообразующими возможностями слов (словообразовательным (деривационным) потенциалом слов) [Резанова, 1983; Свечкарёва, 2006].

Отмечалось, что понятие «потенциал» не получило однозначного научного определения: «Так, исследователи выделяют потенциалы лексический, семантический, словообразовательный и др., не имеющие в литературе однозначной интерпретации» [Свечкарева, 2006, с. 15]. В применении к единицам словообразования выделяют широкое и узкое понимание словообразовательного (деривационного) потенциала. «Широкое понимание связано со словообразовательной системой языка, обладающей совокупностью словообразовательных ресурсов, благодаря которым язык развивается. <...> Он (словообразовательный потенциал) складывается из многообразия мотивирующих единиц, способов и средств деривации, взаимодействующих друг с другом. <...> Словообразовательный потенциал в узком смысле – это деривационные возможности отдельного элемента словообразовательной системы» [Там же, с. 15]. Отмечается, что на словообразовательный потенциал влияют следующие факторы: «стилистическая окраска, широта сочетаемости, частеречная характеристика слова, его частота употребления, культурная разработанность слова и связь слова с целенаправленной деятельностью человека, с важными явлениями для жизни и безопасности человека» [Там же].

Соглашаясь с исследователями, добавим, что словообразовательный потенциал слова как вершины словообразовательного гнезда влияет на его развитие. Также ясно прослеживается связь между лексико-семантическими разрядами производящих слов и семантикой производных единиц. Мы исходим из мнения, что на особенности семантики производных слов влияет принадлежность производящего слова к определенной лексико-семантической группе. Большое значение имеет также состав семемы производящей основы [Васильева, 2014, с. 215].

Приведем словарную статью прилагательного *xara*, представленную в «Хакасско-русском словаре» [2006, с. 805–806]. Авторы словаря выделили пять значений для прилагательного *xara*: «1) черный, темный; 2) употр. для обозначения оттенков цвета и масти животных; *xara at* в знач. сущ. вороной; ... 3) употр. для образования сложных терминов; *xara ортек* зоол. турпан; ... 4) перен. употр. для обозначения отриц., злые духи, нечисть; *таг харазы* горные (злые) духи; ... 5) употр. для образования формы усиления; *xara пасхачыл* очень странный...» [Там же, с. 805–806]. Такая подача материала не отображает подлинную структуру семемы прилагательного *xara* ‘черный’, значительно редуцируя ее. Кроме этого, в словарную статью прилагательного включены сложные производные, которые являются самостоятельными словами, а не его значениями. Рассмотрение семантических особенностей производных, образованных от основы *xara*, дает возможность установить те мотивирующие значения, которые не отражены в словаре или не сохранились в современном хакасском языке. Это важно для хакасского исторического словообразования, лексикологии и этимологии.

Отнесенность слова к колоративам позволяет предположить, что на его базе возможно (ожидаемо) образование прилагательных со значением неполноты и интенсивности цветового признака, диминутивного прилагательного, сложных прилагательных, сложных существительных, глагола со значением проявления цвета. Основы производных глаголов как в чистом виде, так и через залоговые трансформации служат базой для создания имен действия, которые, в свою очередь, далее могут наращиваться словообразовательными аффиксами со значением наличия, местонахождения. В таблице представлены типы значений производных слов, образованных путем словообразовательной аффиксации.

Проиллюстрируем таблицу примерами. На базе прилагательного *xara* образован глагол *xara=l* ‘чернеть’, ‘темнеть’, который, в свою очередь, служит основой для производства названия опредмеченного состояния, существительного *xaralыc* ‘чернота’, ‘темнота’, и названия предмета *xara=l=ды* ‘навес, тент (от солнца или непогоды)’ [Левитская и др., 1997, с. 298–299]. Отмечается, что при помощи этого аффикса образуются непереходные глаголы [Erdal, 1991, p. 499]. Основы существ-

вительных служат базой для образования прилагательных наличия *харалыс=тыг* 'имеющий черноту', 'имеющий темноту', *хара=л=ды=лыг* 'имеющий навес, тент' и прилагательных местонахождения *хара=л=ыс=тагы* 'находящийся в черноте', 'находящийся в темноте', *хара=л=ды=дагы* 'находящийся на навесе, тенте'. Также этот глагол послужил базой для образования залоговых производных, в частности, в словаре отмечены каузатив *харалт*= 1) 'чернить', 2) 'зачернить, замазать, заштриховать что-л.', 3) 'очернить, оклеветать, несправедливо обвинять'; на его базе при помощи орудийного аффикса =*хыс* было образовано слово *харалтхыс* 'краска (полученная из ржавчины железа и используемая для чернения обуви)', интенсив *хара=л=ыс* = 'темнеть, чернеть'.

Типы значений аффиксальных производных,
образованных от основы *хара* 'черный'
Types of meanings of affixal derivatives,
formed from the base *khara* 'black'

Характеристика производных основ	Семантические особенности производных		
	проявление цвета, признака	неполнота	уменьшительность
Частеречная принадлежность производных основ	Глагол	Прилагательное	Прилагательное
Тип значений производных	Орудийность, наличие, локативность	При субстантивации: наличие, локативность	Усилительность, при субстантивации: наличие, локативность

Прилагательные со значением неполноты образованы путем присоединения аффиксов =*мдых*, =*мзых*: *хара=мдых* / *хара=мзых* 'черноватый', 'темноватый'. При их субстантивации возможно появление таких производных, как *хара=мдых=тагы* / *хара=мзых=тагы* 'находящийся у черноватого', 'находящийся у темноватого'. В случае потребности выразить необходимое значение возможны производные наличия типа *хара=мдых=тыг* / *хара=мзых=тыг* со значениями 'имеющий черноватое', 'имеющий темноватое'.

Диминутивное прилагательное *харацах* 'черненький', 'темненький' при частичной и полной редупликации выражает усилительность: *харацах-харацах* 'очень черненький', 'очень темненький', *хан-харацах* с таким же значением. При переходе в разряд существительных потенциально возможно выражение смысла локативности и наличия.

Следует отметить, что этимологи не исключают возможности существования глагольных основ *кар*= 'чернеть' (Э. В. Севортян, Б. И. Татаринцев) и *кара*=, семантически близкой к *кар*= (Б. И. Татаринцев): «В ЭСТЯ отмечена фиксация в некоторых источниках глагольной основы *кар*= 'чернеть' и высказано предположение о том, что *кара* – отглагольное имя с аффиксом =*a*, что вполне обоснованно. В плане подтверждения указанной версии представляет интерес тувинское *караш* – “образоподражание мелькнувшему... темному предмету”, употребляемое в качестве компонента сложных подражательных глаголов. Подражательная основа *караш* – отглагольное образование того же характера, что и тофаларские формы с конечным =*c*. <...> Можно полагать, что существовала и глагольная основа *кара*=, соотносительная с *кара* 'черный, темный' и семантически близкая или тождественная *кар*= 'чернеть'» [Татаринцев, 2004, с. 101]. Возможно, что

и хакасское слово *харасхы* «1. 1) темнота, тьма; мрак; 2) сумерки, сумрак; 2. 1) темный; ... 2) *перен.* неграмотный, необразованный; ... 3. темно» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 809] было образовано от подобной основы *харас=*, не сохранившейся в чистом виде в современном хакасском языке. Связь с основой *хара*, очевидно, имеет слово *хара=ган* ‘кизильник’: «*Қараган* образовано по модели, используемой для наименования растений и животных в тюркских и чаще монгольских языках: производящая основа + аффикс =ган, =гана (ср. монг. *харгана* ‘карагана’, *алгана* ‘окунь’, бур. *хулгана* ‘мышь’, *улаагана* ‘красная смородина’); *қараган* – производное от *қара* ‘черный’» [Левитская и др., 1997, с. 294].

С прилагательным *хара* ‘черный’ диахронно связаны слова *хараа* ‘ночь’ (оно послужило базой для производства относительного прилагательного *хараа=гы* ‘ночной’, от которого, в свою очередь, возникло наречие *хараагызын* ‘ночью’) и кызыльское диалектное слово *харачы* ‘зрачок’, которое предположительно образовано путем сочетания основы *хара* и диминутивного аффикса =чы [Там же, с. 296].

Перейдем к рассмотрению аналитических производных, содержащих в своем составе компонент *хара*. Производные слова аналитической структуры представляют большое разнообразие в номинативном плане.

С одной стороны, выделяется группа сложных прилагательных со значениями интенсивности, обозначающая оттенки цветов.

Прилагательные со значением интенсивности цветового признака образуются путем частичной и полной редупликации основы: *хап-хара*, *хара-хара* ‘очень черный’, ‘очень темный’.

Сложные прилагательные: *хара көк* ‘темно-синий’ (*көк* ‘синий’), *хара-күрең* ‘темно-коричневый’ (*күрең* ‘коричневый’), *хара пора* ‘темно-серый’ (*пора* ‘серый’), *хара торыг* ‘темно-гнедой’ (*торыг* ‘гнедой’), *хара халтар* ‘темно-мухортый’ (*халтар* ‘мухортый’), *харой* ‘серый (о масти лошади)’ (*ой* ‘буланый’). Приведенные наименования позволяют говорить об участии в процессе словосложения семы ‘темный’.

Наименования смешанных оттенков передают прилагательные *хара хасха* ‘черно-лысый (о масти)’ (*хасха* ‘белолобый, имеющий белое пятно на лбу’); *чылтың хара* 1) ‘вороной’, 2) ‘блестяще черный (о ткани и т. п.)’ (компонент *чылтың* в современном хакасском языке самостоятельно не употребляется, но, принимая во внимание особенности семантики, предположительно связан с глаголами *чылтыра=* ‘блестеть, сверкать’, *чылтыңна=* ‘сверкать, поблескивать’).

Основа прилагательного *хара* в качестве первого компонента сложных слов участвовала в создании сложных существительных, называющих людей, живые и мифические существа, объекты растительного мира, объекты природы, названия продуктов, мест, времени (периода).

Приведем примеры.

Наименование человека: *хара нас* ‘черноголовый, представитель азиатского народа’ (*нас* ‘голова’).

Наименования живых существ: а) птицы: *хара хус* ‘орел’ (разновидность: *тастастыг хара хус* ‘черный орел’, компонент *хус* переводится как ‘птица’), *хара сабан* ‘самец глухаря’, *хара тас* ‘черный дятел’, *хара өртек* ‘турпан’ (*өртек* ‘утка’), *хара пахтар* кыз. ‘скворец’, *хара турна* ‘черный аист’ (*турна* ‘журавль’), *хара хас* ‘баклан’ (*хас* ‘гусь’), *хара хайлах* ‘черная крачка’ (*хайлах* ‘чайка’), *хара хорды* ‘черный аист’ (*хорды* саг. ‘цапля’), *хара палыхчы* ‘баклан большой’ (*палыхчы* ‘рыбак’); б) животные: *хара түлгү* ‘черно-бурая лиса’ (*түлгү* ‘лиса’), *хара наар* ‘хомяк’ (*наар* ‘печень’), *хара хузурух* горноста́й (*хузурух* ‘хвост’); в) рыбы: *хара палых* ‘линь’ (*палых* ‘рыба’); г) насекомые: *хара хурт* жук (*хурт* ‘червь’), *хара сеек* ‘домовая муха’ (*сеек* ‘муха’), *хара хоос* ‘жук-долгоносик’ (*хоос* ‘жук’); д) пресмыкающиеся: *хара чылан* ‘уж обыкновенный’ (*чылан* ‘змея’).

Наименования растений: *хара пугдай* ‘гречиха’ (*пугдай* ‘пшеница’), *хара сарын* ‘ракита’ (*сарын* ‘кустарник’), *хара сiген* ‘полынь’ (*сiген* ‘сухой стебель травы’), *хара хазың* ‘ольха’ (*хазың* ‘береза’), *хара от* ‘полынь-черная лапка’ (*от* ‘трава’), *хара тоо* ‘вид боярышника’ (*тоо* ‘боярышник’), *хара тал* ‘чернотал’ (*тал* ‘ива’), *харагат* ‘смородина’ (*хат* устаревшее ‘ягода’).

Названия объектов природы: *хара суз* ‘ключ, источник, родник’ (наименование ключа мотивировано не цветом, а местом, землей, т. е. «вода, выходящая из земли» [Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 594]), *хара тас* ‘каменный уголь’ (*тас* ‘камень’), *хара тобырах* ‘чернозем’ (*тобырах* ‘земля’, ‘почва’, ‘грунт’), *хара чир* ‘чернозем’ (*чир* ‘земля’).

Названия продуктов: *хара ит* ‘постное мясо’ (*ит* ‘мясо’), *хара чей* ‘незабелённый чай (без примеси молока)’ (*чей* ‘чай’).

Название места: *хариб* ‘тюрьма’ (*иб* ‘юрта’).

Название праздника: *Хара нымырха* ‘Родительский день’ (*нымырха* ‘яйцо’).

Название периода: *хара хогын* ‘время, когда мелеют реки (середина лета)’ (слово *хогын*, очевидно, связано отношениями производности с глаголом *хох* = ‘убывать, спадать (о воде)’, =*ын* – аффикс словообразования существительных). Основа *хара* в данном случае является носителем значения усилительности.

Если принять во внимание семантические особенности компонентов сложных слов, подвергающихся этимологизации, то оказывается, что большая часть производных (26 слов) была мотивирована схожестью объекта номинации с другим объектом. Малая часть производных (4 слова) появилась в результате переноса часть → целое. Это соотношение говорит о продуктивности семантического переноса, основанного на принципе схожести признаков у участников номинативного процесса.

Названия натурфактов и биофактов потенциально могут послужить основой для создания производных глаголов со значением ‘собирать обозначенный объект’, ‘охотиться на обозначенный объект’, например, *хара тоола* = ‘собирать боярышник’, *хара хуста* = ‘охотиться на орла’, но в хакасско-русском словаре представлены только производные от слова *харагат* ‘черная смородина’: *суз харагады* 1) ‘черная смородина’, 2) ‘морошка’ (*суз* ‘вода’); *таз харагады* 1) кач. ‘черная смородина’, 2) саг. ‘крыжовник’ (*таз* ‘гора’); *хайа харагады* ‘крыжовник’ (*хайа* ‘скала’); *харагатта* = ‘собирать смородину’. Существительные – названия ягод мотивированы местом произрастания, на что указывают слова *суз* ‘вода’, *таз* ‘гора’, *хайа* ‘скала’. Таким образом, можно сказать, что при возможности выразить словообразовательными средствами понятия ‘собирать обозначенный объект’, ‘охотиться на обозначенный объект’ в словаре получило отражение наиболее типичное и распространенное действие *харагатта* = ‘собирать смородину’.

Принимая во внимание особенности значений производных слов аффиксального и аналитического типов, образованных с участием основы *хара*, и данные этимологии, можно представить структуру лексического значения данного прилагательного в хакасском языке следующим образом (выделены отсутствующие в хакасско-русском словаре значения):

- 1) **черный**;
- 2) **темный**;
- 3) **смуглый, темнокожий**;
- 4) **вороной**;
- 5) **крупный**;
- 6) **голый**;
- 7) **простой**;
- 8) **большой, обильный** (значение интенсивности);
- 9) **дурной, злой**.

Также, кроме прилагательного *хара*, следует выделять существительное *хара* с первоначальным значением ‘суша, земля, материк’, от которого на основе семантического переноса отщепилось значение ‘злой дух’ (ср. сложное слово *таг харазы* ‘горные (злые) духи’, букв.: ‘гора + темное=ее’, построенное на основе изафетной связи). Исследователи отмечают по этому поводу следующее: «Значение “злой дух” вряд ли метафорически выводится из “черный”, “темный” или “мрачный”, скорее, это метонимический перенос с значения “земля”: “земля как место обитания и владения злого духа, подземное царство злого духа” → “злой дух”. Значения “злой, жестокий”, “злосчастный, несчастливый”, “хула, клевета” следует, вероятно, интерпретировать как признаки и деяния злого духа; того, что им или с его помощью насылается на человека – характер, судьба или оговор. Если связь “земля” – “злой дух” верна, то распространенность по тюркским языкам значений рассматриваемой группы, которые можно предполагать как семантически производные (переносные) от “злой дух”, указывает на общетюркский и, следовательно, очень древний, домусульманский и добуддийский, характер представления о злом духе» [Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 595]. Земля в традиционном мировоззрении хакасов являлась местом, где обитали вредящие людям духи разного вида во главе с их предводителем Ирлік-ханом [Бурнаков, 2006, с. 69].

Большое влияние на формирование переносных значений у слов – наименований цвета и, как следствие этого, образование производных слов на базе таких значений оказала символика цвета в культуре и мировоззрении народа. А. Н. Кононов отмечает, что черный цвет у тюрков, как и у многих других народов, символизировал темную (северную) сторону небосклона, севера, связывался с теневой стороной и ночью [Кононов, 1978, с. 165–166]. Согласно сведениям, записанным этнографами в среде хакасов, черный цвет является одной из характеристик нижнего мира (наряду с пестрым, бледным и желтым цветами): «В нижнем мире есть горы, бездонные моря, водоемы, наполненные слезами или черной водой» [Львова и др., 1988, с. 95]. Также черный цвет связан с ночью, низом, отрицательным началом [Там же, с. 96]. Ночь, в свою очередь, представлялась как время действия темных сил [Бурнаков, 2006, с. 83]. Эти представления мотивировали создание производных единиц *харан* ‘дух, темная сила’, *хара ўзўт* ‘злая душа умершего’, ‘нечисть’ (ср. слово с противоположным смыслом *ах ўзўт* ‘добрая душа умершего’, очевидно противопоставление компонентов *хара* с переносным значением ‘злой’ и *ах* с переносным значением ‘добрый’). Таким образом, в хакасских производных словах, образованных при участии компонента *хара*, получили отражение очень древние представления народа о символике черного цвета мировоззренческого характера.

Анализ производных слов, образованных от основы *хара*, позволяет сделать следующие выводы.

- Прослеживается связь между семантикой производящего прилагательного и производных от него единиц. Отнесенность слова *хара* ‘черный’ к колоративам обусловила появление аффиксальных производных со значением неполноты и интенсивности цветового признака, диминутивного прилагательного, сложных прилагательных, несущих цветовую характеристику, глагола со значением проявления цветового признака.

- Выявлены слова, диахронно связанные с рассматриваемой основой (*харасхы* ‘темнота’, ‘сумерки’, *хараган* ‘кизилник’, *хараа* ‘ночь’, *харачы* ‘зрачок’). Также анализ производных единиц, образованных при участии основы *хара*, дал возможность выделить шесть значений, не отмеченных в словаре.

- Аналитические производные представлены прилагательными и существительными. Сложные прилагательные выражают интенсивность цветового признака и служат для обозначения смешанных оттенков. Сложные существительные

с первым компонентом *хара* называют преимущественно конкретные объекты: живые и мифические существа, растения, объекты природы, разновидности продуктов, место (строение). Только два слова обозначают праздник и период времени. Названия растений и животных могут служить основой для создания глаголов со значениями 'собирать обозначенное растение', 'охотиться на обозначенное животное'.

На формирование производных единиц на базе переносных значений рассматриваемого прилагательного оказала влияние символика цвета в культуре и мировоззрении народа. Черный цвет связывался с темной стороной, севером, ночью, нижним (подземным) миром. Благодаря этой символичности появились производные слова *харан* 'дух, темная сила', *хара үзүт* 'злая душа умершего'.

Список литературы

Антонов Н. К. Именное словообразование в якутском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1952. 18 с.

Бавуу-Сюрюн М. В. Влияние монгольского языка на словообразовательную систему тувинского языка // Казань и алтайская цивилизация: 50-я ежегод. междунар. науч. алтаистическая конф., Казань, 1–6 июня 2007 г.: Тр. и материалы / Под общ. ред. З. Г. Нигматова. Казань: Идел-Пресс, 2007. С. 27–29.

Бавуу-Сюрюн М. В. Современные словообразовательные процессы, обусловленные языковыми контактами (на материале тувинского языка) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 114–123.

Бурнаков В. А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 208 с.

Васильева Е. В. Словообразовательный потенциал многозначных прилагательных в сфере производства имен лиц // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 215–219.

Грамматика современного алтайского языка. Морфология / Под ред. И. А. Невской. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.

Есипова А. В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках: На материале шорского языка: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2011а. 50 с.

Есипова А. В. Тюркское словообразование как языковая система. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011б. 198 с.

Зайнуллин М. В., Тихонов А. Н. Проблемы теории тюркского словообразования // Тюркология-88. Фрунзе: Илим, 1988. С. 180–181.

Иванова И. Б. Аффиксальное именное словообразование в современном якутском языке (на материале отглагольных имен существительных): Автореф. ... канд. филол. наук. Якутск, 2011. 22 с.

Колесникова А. В. Аффиксальное глаголообразование в алтайском языке в сопоставлении с древнетюркским языком: Автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. 28 с.

Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник – 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.

Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~ «Г») и «Қ» (~ «Ҝ» ~ «К»). Вып. 1 / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.

Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

Резанова З. И. Словообразующие возможности существительного (на материале современного русского литературного языка): Автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 1983. 20 с.

Свечкарева Я. В. О деривационном потенциале слова как языковой категории // Вестн. Том. гос. ун-та. Бюл. оперативной науч. информации. 2006. № 111. С. 15–17.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев; Ин-т языкознания РАН. М.: Наука, 2001. 822 с.

Сувандиш Н. Д. Тувинская антропонимия. Кызыл, 2011. 153 с.

Тараканова И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2008. 174 с.

Тараканова И. М. Диминутивы в хакасском языке. Абакан: Сервисный пункт, 2011. 116 с.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3: К, Л. 440 с.

Тугужекова Т. Н. Сочетаемость прилагательного *синий* с существительными, называющими человека, в русском языке // Вестн. Хакас. гос. ун-та. Сер. 5. 2007. вып. 8. С. 12–15.

Тугужекова Т. Н. Прилагательное желтый и его сочетаемость с существительными, называющими человека в русской языковой картине мира // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: Науч.-методический бюл. / Отв. ред. И. В. Пекарская. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 135–147.

Тугужекова Т. Н. Морфологические особенности прилагательного *хызыл* в хакасском языке // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 2. С. 37–40.

Убрятова Е. И. Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Вып. 2. С. 297–328.

Убрятова Е. И. Удвоение основы слова в якутском языке // Убрятова Е. И. Избр. тр. Исследования по тюркским языкам / Отв. ред. Н. Н. Широкова. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. С. 211–218.

Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк. Ок. 22 000 слов / М-во образования и науки Респ. Хакасия, Хакасский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории; под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1111 с.

Хусаинов М. М. О природе словообразовательных моделей // Советская тюркология. 1975. № 3. С. 10–19.

Erdal M. Old Turkic Word-Formation. A Functional Approach to Lexicon: In 2 vols. Wiesbaden: Otto Harrassovitz, 1991. Vol. 2. 874 p.

Список использованных языков и диалектов

Бур. – бурятский язык; **кач.** – качинский диалект хакасского языка; **монг.** – монгольский язык; **саг.** – сагайский диалект хакасского языка.

I. M. Chebochakova

*Khakas Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russian Federation
irina.chebochakova@mail.ru*

Features of derived units formed from the stem of adjective *khara* “black” in the Khakas language

The paper analyzes the derivatives formed from the stem of adjective *khara* “black” in the structural-semantic aspect. The relatedness of word *khara* “black” to color words leads

to the formation of adjectives with the meaning of incompleteness and intensity of a color characteristic, diminutive adjective, compound adjectives with meanings of intensity, which are used to convey shades of colors, compound nouns, and a verb with the meaning of a color's development degree. Analytical derivatives are represented by adjectives and nouns. Compound adjectives express the intensity of a color trait and are used to denote mixed shades. Compound nouns with the first component *khara* name mainly specific objects: living and mythical creatures, plants, objects of nature, kinds of products, place (building). Only two words denote a holiday and a period of time. Names of plants and animals can serve as a stem for the formation of verbs with meanings "to collect the designated plant," "to hunt the designated." The symbolism of colors in the people's culture and worldview has influenced on the formation of figurative meanings of words naming colors and, as a consequence, on the formation of derivative words on the basis of such meanings. Black color was associated with the dark side, the North, night, lower (underground) world. Derivatives *khara* "a spirit, dark power," *khara uzut* "a dead's evil soul" appeared due to this symbolism. Thus, Khakas derivatives, formed with the participation of component *khara*, reflect ancient ideas about the symbolism of black color.

Keywords: Khakas language, word formation, adjectives, derivatives, word-formation family.

DOI 10.17223/18137083/68/17

References

Antonov N. K. *Imennoye slovoobrazovaniye v yakutskom yazyke* [Word-formation of nomina in Yakut language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1952, 18 p.

Bavuu-Syuryun M. V. *Sovremennyye slovoobrazovatel'nyye protsessy, obuslovlennyye yazykovymi kontaktami (na materiale tuvinskogo yazyka)* [Modern word-formation processes, conditioned by language contacts (on the material of Tuvan language)]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 114–123.

Bavuu-Syuryun M. V. *Vliyaniye mongol'skogo yazyka na slovoobra-zovatel'nyuyu sistemu tuvinskogo yazyka* [The influence of Mongolian language on the word-formation system of the Tuva language]. In: *Kazan' i altayskaya tsivilizatsiya: 50-ya yezhegodnaya mezhdunarodnaya nauchnaya altaicheskaya konferentsiya, Kazan', 1–6 iyunya 2007 g. Trudy i materialy* [Kazan and the Altai civilization: the 50th annual intern. sci. altaistic conf., Kazan, June 1–6, 2007: Proc. and materials]. Z. G. Nigmatov (Ed.). Kazan', Idel-Press, 2007, pp. 27–29.

Burnakov V. A. *Dukhi srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov* [The spirits of the average world in the traditional world view of the Khakas]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2006, 208 p.

Erdal M. *Old Turkic word-formation. A functional approach to lexicon: In 2 Vols. Vol. 2*. Wiesbaden, Otto Harrasovitz, 1991, 874 p.

Esipova A. V. *Teoreticheskiye problemy slovoobrazovaniya v tyurkskikh yazykakh: na materiale shorskogo yazyka* [Theoretical problems of word formation in Turkic languages: on the material of the Shor language]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2011, 50 p.

Esipova A. V. *Tyurkskoye slovoobrazovaniye kak yazykovaya sistema* [Turkic word formation as a language system]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2011, 198 p.

Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. I. A. Nevskaya (Ed.). Gorno-Altaysk, 2017, 576 p.

Ivanova I. B. *Affiks'al'noye imennoye slovoobrazovaniye v sovremennom yakutskom yazyke (na materiale otglagol'nykh imen sushchestvitel'nykh)* [Affixed nominal word formation in the modern Yakut language (based on verbal nouns)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, 2011, 22 p.

Khakassko-russkiy slovar' Ok. 22 000 slov [Khakas-Russian dictionary about 22 000 words]. Khakas Research Inst. of Language, Literature and History; O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006, 1111 p.

Khusainov M. M. *O prirode slovoobrazovatel'nykh modeley* [On the nature of word-formation models]. *Soviet Turkology*. 1975, no. 3, pp. 10–19.

Kolesnikova A. V. *Affiks'al'noye glagoloobrazovaniye v altayskom yazyke v sopostavlenii s drevnetyurkskim yazykom* [Affixed verbal formation in the Altai language in comparison with the ancient Türkic language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2004, 28 p.

Kononov A. N. Semantika tsvetooboznacheniy v tyurkskikh yazykakh [Semantics of colors in Turkic languages]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik – 1975* [The Turkological collection – 1975]. Moscow, Nauka, 1978, pp. 159–179.

Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye leksicheskiye osnovy na bukvy "K" (~ "G") i "K'" (~ "F" ~ "K")*. Vyp. 1 [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic lexical bases on the letters "K" (~ "G") and "K'" (~ "F" ~ "K"). Iss. 1]. G. F. Blagova (Ed.). Moscow, LRC Publ. House, 1997, 368 p.

L'vova E. L., Oktyabr'skaya I. V., Sagalayev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [The traditional world view of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Real world]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 225 p.

Rezanova Z. I. *Slovoobrazuyushchiye vozmozhnosti sushchestvi-tel'nogo (na materiale sovremennoy russkogo literaturnogo yazyka)* [Word-forming abilities of the noun (based on the material of the modern Russian literary language)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 1983, 20 p.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Nauka, 2001, 822 p.

Suvandii N. D. *Tuvinskaya antroponimiya* [Tuvan anthroponymy]. Kyzyl, 2011, 153 p.

Svechkareva Ya. V. *O derivatsionnom potentsiale slova kak yazykovaya kategoriya* [On the derivational potential of a word as a language category]. *Tomsk State University Journal*. 2006, no. 111, pp. 15–17.

Tarakanova I. M. *Diminutivy v khakasskom yazyke* [Diminutives in the Khakas language]. Abakan, Servisnyy punkt, 2011, 116 p.

Tarakanova I. M. *Slovoobrazovaniye imen sushchestvitel'nykh v khakasskom yazyke (v sopostavitel'nom aspekte)* [Word formation of nouns in Khakas language (in comparative aspect)]. Abakan, Khakas. kn. izd, 2008, 174 p.

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of Tuvan language.]. Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 3, 440 p.

Tuguzhekova T. N. *Morfologicheskiye osobennosti prilagatel'nogo khyzyl v khakasskom yazyke* [Morphological features of the adjective khyzyl in the Khakas language]. *Sayan-Altay Scientific Review*. 2015, no. 2, pp. 37–40.

Tuguzhekova T. N. *Prilagatel'noye zheltyy i ego sochetayemost' s sushchestvitel'nymi, nazyvayushchimi cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [Adjective yellow and its compatibility with nouns, who call the person in the Russian language picture of the world]. In: *Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya: aspekty vzaimodeystviya: Nauch.-metodicheskiy byul. Vyp. 5* [Language, culture, communication: aspects of interaction: scientific and methodological bulletin. Iss. 5]. I. V. Pekarskaya (Ed.). Abakan, Khakas State Univ. Publ., 2009, pp. 135–147.

Tuguzhekova T. N. *Sochetayemost' prilagatel'nogo siniy s sushchestvitel'nymi, nazyvayushchimi cheloveka, v russkom yazyke* [Compatibility of the adjective blue with nouns that call a person in Russian]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2007, ser. 5, iss. 8, pp. 12–15.

Ubryatova E. I. *Parnyye slova v yakutskom yazyke* [Paired words in the Yakut language]. In: *Yazyk i myshleniye. Vyp. 2* [Language and thinking. Iss. 2]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1948, pp. 297–328.

Ubryatova E. I. *Udvoeniye osnovy slova v yakutskom yazyke* [Doubling the foundations of a word in the Yakut language]. In: Ubryatova E. I. *Izbr. tr. Issledovaniya po tyurkskim yazykam* [Selected Works. Studies on the Turkic languages]. N. N. Shirobokova (Ed.). Novosibirsk, Editorial and Publ. Center of NSU, 2011, pp. 211–218.

Vasil'yeva Ye. V. *Slovoobrazovatel'nyy potentsial mnogoznachnykh prilagatel'nykh v sfere proizvodstva imen lits* [Word-formation potential of many-valued adjectives in the sphere of the production of person names]. *Siberian Journal of Philology*. 2004, no. 4, pp. 215–219.

Zaynullin M. V., Tikhonov A. N. *Problemy teorii tyurkskogo slovoobrazovaniya* [Problems of the theory of Turkic word formation]. In: *Tyurkologiya-88* [Turkology-88]. Frunze, Ilim, 1988, pp. 180–181.